

КНИГА БЕЗ КОНЦА: “РОССИЯ В ПИСЬМЕНАХ”

Антонелла д’Амелия

По замечанию Бродского, изгнание для писателя – это событие прежде всего языковое. Борьба за свой язык и культуру диктуется инстинктом самосохранения. Язык – это тот щит и меч, тот оплот, который позволяет противостоять глухоте чужого мира.¹ Центробежной силе изгнания писатель противопоставляет центростремительную тягу назад, бегству – возвращение, новизне – старину, настоящему – прошлое, иностранной речи – родное слово. Неизлечимая травма эмиграции влечет за собой ощущение интеллектуальной неузнаваемости, отчуждения. Эмиграция прерывает непрерывность бытия, тормозит течение времени в жизни человека, захваченного водоворотом Истории. Именно поэтому внутренний взор писателя-эмигранта обращается к прошлому, а память становится единственной путевой нитью. Вырвать из забвения свой язык, его потаенное филологическое ядро, его “живой голос” превращается для него в жизненную необходимость. В зарубежные годы Ремизов ежедневно упражняется в письме, холит и лелеет эмбрионы мысли, гнезда слов. В “Ахру”, его первом эмигрантском произведении, созданном сразу по приезде в Берлин, он пишет:

Слышу – Гофмана – Гоголя –
Достоевского – – А. Белого – –
словарь – слово –
слово – исток письма
матерьял – Россия
современность
1918-1920²

¹ См.: Brodskij I. Dall’esilio. Milano 1988, p. 32.

² Ремизов А. М. Ахру. Повесть петербургская. Берлин-Петербург-Москва 1922, с. 37.

Ремизов чувствует необходимость записывать, регистрировать эти душевные переживания, которые лишь родная речь способна облечь в словесные оболочки. Слова заменяют ему оставленные навсегда пространства: русскую землю, свой город, стены своего дома, места писательских, политических и общественных собраний. Страждущая душа русского писателя в изгнании требует новой космогонии, передела механизма памяти, завоевания нового жизненного пространства, которое было бы надежной преградой от потери идентичности.

Современным исследователям истории русской культуры деятельность писателей-эмигрантов в Берлине 20-х годов может показаться почти испуганной: это была отчаянная попытка избежать забвения в водоворотах исторического потока. Они стремились воспроизвести в столице Германии те же формы существования, те же институты, те же обычаи, что характеризовали жизнь интеллигенции в дореволюционной России. Процесс "дублирования" на немецкой земле издательств, школ, университетов, домов культуры и искусств шел полным ходом. В берлинских кафе проводились литературные вечера, в которых ясно угадывались политические, философские и артистические собрания Москвы и Петербурга, с их атмосферой дебатов, стычек и дискуссий.³

Быт человека проживающего на чужбине полон трудностей. Термин *Ausländer*, вместе с русской транскрипцией самых насущных немецких слов, испещряет страницы рукописей русских эмигрантов. Жизнь полна бесконечных хлопот о квартире, виде на жительство, паспорте, деньгах, и в то же время, материальные трудности как бы стимулируют творческое вдохновение. Происходит нечто вроде взрыва художественной деятельности. Можно лишь поражаться тому, сколько было написано и опубликовано русскими писателями в Берлине, будь то воспоминания, романы, повести, сборники стихов и сказок, эссе, автобиографические заметки. Русские издательства в Германии публикуют неимоверное количество книг, газет, журналов. В эти года русскоязычная культура переживает один из самых высоких, плодотворных и разнообразных периодов своей истории, объяснить который можно лишь условиями эмиграции,

³ Берлинскому периоду русской культуры посвящено бесчисленное множество статей и книг, см. например: Williams R. C. *Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany. 1881-1941.* London-Ithaca 1972; Флейшман Л. - Хьюз Р. - Раевская-Хьюз О. *Русский Берлин 1921-1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугверовском институте.* Paris 1983; Raeff Marc. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919-1939.* New York-Oxford 1990; Schlögel K. (Ed.), *Der Große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* München 1994; Scrittori russi a Berlino, a cura di R. Platone, Napoli 1995.

"метафизикой" изгнания: писатель в изгнании тратит все свое время на борьбу за восстановление собственной общественной значимости, своей решающей роли, своего авторитета.⁴

"Русские писатели, живущие в России при всей тяготе житейской – пусть не завидуют покинувшему вольно или невольно Россию, не злятся на нашу нищету и безродство!" – восклицает Ремизов в "Ахру",⁵ книге, составленной из осколков тягостных воспоминаний, очерков о литературных периодах прошлого, о драматических событиях 1918-1921 годов, где тематическими ключами являются такие слова, как: тоска, боль, страдание, отчаяние. Это – диаграмма его души, в которой недавнее прошлое, со всеми его трудностями и переменами, рисуется желанным, по сравнению с буднями изгнания.

В первых берлинских записях Ремизов делает попытки осознать глубину своей потери – потери родной земли, языка, литературного пространства. Он пишет о своем одиночестве, чувствует себя покинутым в безмолвной пустыне чужбины. Вместе с родным языком потеряно и самоощущение: "жили мы в Берлине на Лессингштрассе, и я назывался тогда на немецкий лад – Ремерсдорф (Remersdorf)", признается он в книге "По карнизам".⁶ Его книги этого периода населены множеством персонажей, силуэтами друзей, живущих в его памяти. Эти страницы объединены общей идеей неприятия забвения, в них очерчиваются зыбкие границы двух частей мира: эмиграции и России. Посвящая жене "Ахру", Ремизов пишет: "А эта книга, как комок огненный. Это первая память о России, это первые наши дни здесь. Покинутые, безучастные, никогда так черство не относились к нам...".⁷

Ощущение сиротства, интеллектуальной пустыни, одиночества изгнанника присутствует на множестве страниц, написанных Ремизовым в Берлине. Здесь обостряется одна из характерных его черт: отчужденность по отношению к литературной среде. Это свойство, которое проявилось уже в период вологодской ссылки и в Петербурге во время общения с символистами, в изгнании выросло до макроскопических размеров: его личная участь сливается с исторической судьбой целого поколения, и его сочинения обретают тот трагический тон, тот мрачный оттенок, который будет им присущ до самого конца.

⁴ См. : Brodskij I. Dall'esilio, p. 20.

⁵ Ремизов А. М. Ахру. Повесть петербургская, с. 29.

⁶ Ремизов А. М. По карнизам, Белград 1929, с. 19.

⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж 1959, с. 159.

В берлинские годы усиливается еще одна характеристика Ремизова: работая над книгами мемуаров, он возобновляет творческий поиск подходящей для них художественной формы. На эксперименты авангарда по разрушению традиционного романа он отвечает изобретением новой литературной формы – непрерывный рассказ памяти, своеобразный коллаж из фрагментов отрывков, связанных лишь нитью памяти. “Прошое, каким бы оно ни было мучительным или приятным, неизменно остается твердой почвой” – сказал Бродский⁸ и Ремизов очерчивает контуры прошлого осколками чувств, намеков, свободных ассоциаций. Писатель-изгнанник столь болезненно ощущает чувство потери, что его тексты свидетельствуют о этом внутреннем переломе, начиная с самой художественной формы, как, например, в “Космографии”, в которой печальные воспоминания дробятся на отдельные размышления, осколки мыслей, краткие абзацы, афоризмы:

Мучительное

Для меня самое мучительное, когда спутник мой по каким-нибудь делам пошел, ну, купить что-нибудь или за справкой, пошел: “я сейчас, подождите!” – и пропал.

Ожидание и поиски – ни другу, ни недругу не пожелаю.

Удовольствие

Самое большое удовольствие для меня, да наверно и для вас да и для всякого – показать человеку дорогу.

Но мне, не говорящему путно ни на каком языке, и даже по русски, если внезапно, не находящему слов для ответа и обреченному скитаться среди иностранцев, это удовольствие очень чувствительно.

Лучшее

Самое лучшее – смех и улыбка.

Только никогда не знаешь, что другому будет смешно и на что улыбнется. И как часто (замечал на улицах и в театрах) там смеются, когда, кажется, нет ничего смешного, и улыбаются, не знаешь почему.⁹

Воспоминания вращаются вокруг таких семантических гнезд, как страдание, растерянность, отчужденность. Мир смеха, который, хоть и редко, но все-таки проявлялся в ранних произведениях писателя, безвозвратно отходит на задний план. Стиль текста фрагментарен, как бы раздроблен тоской. Судьба диаспоры, тяжелый опыт тех, кто более или менее добровольно покинул родину, распространяется и на художественную форму, в которую облекается память; в результате, текст членится на

⁸ Brodskij I. Dall'esilio, p. 26.

⁹ Ремизов А. М. Космография. “Звено”. Париж, 29 дек. 1924, № 100.

короткие, сухие повествовательные отрезки, как бы маленькие поэмы в прозе, озарения, речевые осколки.

“Я не боюсь бессвязностей и разрывов” – могла бы о себе сказать словами Мандельштама литература двадцатого века; не боюсь, и даже превозношу! Литература XX столетия, в своих наиболее типичных выражениях, предпочитает открытую форму, незавершенность, раздробленность. И многие художественные произведения, появившиеся на свет в русском Берлине, имеют именно такую структуру: они фрагментарны, отрывисты, как бы желая передать исторический перелом в повествовательных осколках действительности, в диалогах подхваченных налету, в беглых воспоминаниях. Так, Белый планирует и подготавливает бесчисленное количество фрагментарных мемуаров; Шкловский собирает отрывки воспоминаний и эссе в книгах “Зоо”, “Сентиментальное путешествие” и “Ход коня”; Ремизов соединяет воспоминания, мысли, афоризмы, рассказы, письма и документы в “Огненной России”, “Ахру”, “Кукха”, и особенно в “России в письменах”, произведениях сознательно фрагментарных, прерывистых, но в то же время объединенных по замыслу. В этих текстах, составленных из фрагментов, коротких отрывков, писем, размышлений, автобиографических заметок, страниц дневника, документов, автор ставит своей целью запечатлеть вспышки памяти или описать процесс “развертывания” воспоминания в пересказе древних памятников. Эти необычные повествовательные страницы превозносят незавершенность, возвышая ее до ранга художественной формы.¹⁰

С точки зрения композиции, одно из самых интересных произведений берлинского периода это “Россия в письменах”, замечательный литературный монумент русской культуре и русскому языку, составленный из пересказа старинных “документов”. Это – книга-летопись, книга исторических эпох, “археологическая память”, удивительный апокриф, продиктованный тоской. В Берлине тоска влечет творчество эмигранта назад, на знакомую территорию: к русскому языку, русской истории, культуре. В “России в письменах” старинные русские и славянские документы чере-

¹⁰ В те годы Ремизов находился под влиянием той “открытой формы”, которую Василий Розанов канонизировал в своих книгах “Опавшие листья” и “Уединенное.” Одновременно на него произвела сильное впечатление художественная форма, использованная Львом Шестовым для выражения своей “адогматической мысли”: афоризм, лапидарное утверждение, неразвитые зачатки мысли. В рецензии на “Апофеоз беспочвенности”, опубликованной в том же Берлине, в сборнике “Крашенные рыла. Театр и книга”, Ремизов, описывая Шестова как одинокого мыслителя, вечного странника в поисках истины, заостряет особое внимание на форме, которую философ избрал для выражения своих изысканий.

дуются с воспоминаниями автора, с пересказом его жизненных и литературных встреч. Памятники древнерусской письменности оживляют память писателя, дают толчок к переосмыслению русской истории и личного опыта. Эти документы представляют собой не только тот словесный материал, в котором “археолог” Ремизов проследживает вековую эволюцию языка, но и историческое свидетельство о прошлом России.

Письменные документы имеют непосредственное значение для историка: это прямое и достоверное свидетельство о жизни народа. И эти же документы, в качестве языкового материала, не менее важны для историка литературы: письменный памятник – это отпечаток словесного образа, по которому можно представить и склад речи и говор.

Склад русской речи (синтаксис) и русский говор XVII века, означенные протопопом Аввакумом в его “Житии” как “вяканье” и “просторечие” в противоположность книжным “философским виршам” и “красным словесам” в совершенстве выражены им самим в “Житии” и “Посланиях” [...]

Не для одних ученых, изучающих историю русского языка, не только для русских писателей, которым без истории своего языка никак не обойтись, но и для всякого русского человека “книжного почитания”, прочитать не глазами только, а и губами такой документ – стоит (Повольная торговля).¹¹

Как только “археологическая” память Ремизова воскрешает, посредством творческого акта, картины прошлого, документ теряет свою книжную патину, становится личным, автобиографическим опытом, переплетается с ‘узлами и закрутами’ памяти:

В моих “реконструкциях” старинных легенд и сказаний не только книжное, а и мое – из жизни – виденное, слышанное и испытанное. И когда я сидел над старинными памятниками и, конечно, не спроста выбирал из прочитанного, а по каким-то бессознательным воспоминаниям – “узлам и закрутам” моей извечной памяти.¹²

Память, средство, употреблявшееся в древности и в средневековье для сохранения и передачи знания, используется писателем-эмигрантом для того, чтобы сохранить связь с прошлым, сберечь свое самовосприятие и спастись от ощущения ненужности. Разрушительному и обезличивающему напору Истории Ремизов противопоставляет неустанную борьбу за язык и непрерывное переосмысление родной культуры. Окунаясь с голо-

¹¹ Впервые глава “Повольная торговля” была издана в журнале “Родная старина”, Рига, 17/30 сент. 1928, № 4.

¹² Ремизов, А. М. Подстриженными гмазами. Книга узлов и закрут памяти. Париж 1951, с. 132.

вой в старинные “документы”, писатель теряется в исторических эпохах и вживается в события прошлого. В результате получается странная смесь истории и личной жизни, хроники и воображения, где мелкие подробности быта писателя окрашиваются в исторические тона, и однообразие старинных рукописей скрашивается вкраплением современности. Музыкальная проза Ремизова, сплетение анафор, пауз и повторений, воспроизводит этот непрерывный поток мыслей-воспоминаний-документов, выдает опасение писателя забыть и быть забытым.

“Россия в письменах” – не историческое, ученое сочинение, как подчеркивает писатель в автобиографии “О себе”, а новая форма повествования, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия – века.¹³ Это своего рода представление о себе и России, о русской жизни в веках, в котором Ремизов затеял отобразить свою страну “по обрывкам и осколкам ее памятников”:

По обрывкам документов русская жизнь в веках. Россия сама, как сюжет, будто живое существо. Среди материалов я искал народную мудрость: доку-ка русского народа, его обдумывание и ответы на вопросы жизни. И балагурье. Чудесное, странное в житейском.¹⁴

“Россия в письменах” – книга без глубины, без дали. В ней отсутствует пространственное расстояние между разными голосами и разными событиями. Все события протекают на длинном крупном плане, где малейшие детали рассматриваются как макроскопические предметы, и разновременные действия показаны вместе. Завороженный старинными документами, Ремизов странствует по земле русского слова и переживает разные места и эпохи; время уничтожено в творческой памяти писателя, воссоздающей прошлое и воскрешающей древнюю речь, старинную рукопись, всю графическую и письменную традицию средневековых летописцев: “Чтение материалов возбуждает память. Какое-нибудь одно слово, один образ – и перед вами раскрываются двери и вашей уже памятью вы попадаете в волшебное царство.”¹⁵

Если звуковые обрывки “Опавших листьев” и “Уединенного” отражали противоречивое и непоследовательное мышление Розанова, были – по словам Сияевского – “самой полной, адекватной формой его филосо-

¹³ Ремизов А. М. О себе // Флейшман Л. - Хьюз Р. - Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921-1923, с. 178.

¹⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с.116.

¹⁵ Там же, с. 202.

фии”¹⁶ то отдельные повествовательные отрывки-главы “России в письменах” представляют собой самую гибкую форму бесконечного потока воспоминаний Ремизова, его непрерывного “переживания” слитых воедино прошлого и настоящего.

Когда в 1923 году разорилось издательство Геликон, опубликовавшее первый том “России в письменах”, у Ремизова уже была готова новая подборка материалов для издания второго тома. Эта подборка, как и другие книги периода эмиграции, содержит уже опубликованные в периодике тексты вперемишу с новыми разработками любимых “документов”. Рукопись этого проекта Ремизова, хранящаяся в архиве Резниковых в Париже, позволяет различить как позднейшие переделки в уже готовом материале, их расширение ввиду возможности публикации еще одного, третьего, тома, так и вмешательства Ремизова-летописца в уже изданные тексты, его пояснения и добавки, исторические уточнения, замечания и ссылки поздних лет.

Первоначальное ядро второго тома “России в письменах” состоит из материалов, отчасти уже отработанных Ремизовым и опубликованных в России в десятых-двадцатых годах:

1. Круг жизни (1817-1826) – письма семейные
2. Разорение, общественно случившееся (1752-1814) – письма отечественные
3. Жичливая жена (1783-1835) – письмо хозяйственное
4. Живая жизнь. Письма Пестелей (1824-1827).¹⁷

Эти материалы состоят из описаний русского быта девятнадцатого столетия, восстановленного по письмам и записям нескольких представителей средней аристократии. Ремизов пытается выявить в них “живую жизнь” этого общества, его плодотворный “растительный процесс”, любовные связи, ежедневную рутину. Это – живая жизнь, состоящая из любви и дружбы, из свадеб и разводов, из страдания и смерти; это – истинная жизнь, по его замыслу, радикально отличающаяся от той воображаемой, переосмысленной, передуманной, что изображается в литературе. И такую жизнь можно воссоздать, лишь основываясь на личной переписке и иногда на сновидениях. Ведь рассказывать сны значит жить “жи-

¹⁶ Сияневский. А. “Опавшие листья” В. Розанова. Париж 1984, с. 9.

¹⁷ “Круг жизни” был издан в журнале “Заветы” 1914 № 3; “Разорение общественно случившееся” – в литературном сборнике “Полон”, СПб. 1916; “Жичливая жена” – в сб. “В год войны”, СПб. 1915; “Живая жизнь. Письма Пестелей” – в журнале “Воля России” 1925 № 12.

вой жизнью – трудной и бессмысленной”: “Только сны, да кое-что из не-литературных писем открывают о живой жизни” (Живая жизнь).

Мир, который всплывает, вырисовывается в этих письмах, полон забот, финансовых и политических проблем, супружеского долга, ответственности. На этих страницах не найдешь упоминаний о ссорах, но лишь о взаимопонимании: замечания о прочитанных книгах, материнское чувство, путевые рассказы, тоска о семье. Даже такое крупное историческое событие, как декабристское восстание, мы видим сквозь призму материнской тревоги.

Ремизов-рассказчик описывает и обстоятельства, при которых у него возник интерес к “живой жизни” девятнадцатого века и, как всегда, он точно указывает, кто предоставил ему “документы”:

Летний месяц 1912 г. мы жили в Бобровке у Анны Алексеевны Рачинской. Я писал повесть мою “Пятую язву” и слушал рассказы Анны Алексеевны о ее бабушках и дедушках. И затеял “Круг жизни” – в подлинных письмах представить тогдашнюю жизнь обыкновенных людей, о которых по смерти, хоть и поется “вечная память”, но никто никогда не вспоминается, а среди которых жил и Грибоедов и Пестель [...] Три главы из этого “письмовника” мне удалось напечатать [...] Письма “письмовника”, как и предлагаемые пестелевские письма и из дневника А. И. Калечицкой мне дала переписать Анна Алексеевна Рачинская, а оригиналы остались у нее в Бобровке (Живая жизнь).

Как признается сам писатель в книге “Круг жизни. Письма семейные”, он затеял изобразить посредством этих документов “некоторый круг жизни” людей не знаменитых (о знаменитых заботится история!), а самых простых, занятых своими ежедневными проблемами, удрученных течением времени и сменой поколений. Он затеял возобновить их жизнь посредством семейных писем:

письма поздравительные со вступлением в брак и сообщение о судьбе приятелей-товарищей холостой жизни, письма о разводе и благоприятной развязке дела, письмо деловое о делах по службе, письмо о смерти жены и о устройстве детей, письмо городское – о событиях петербургской жизни, и письма деревенские, семейные, – на одном листе по трое пишут! – семейные, о детях, о приискании губернантки, пожелания родственнице благоприятно разрешиться, приглашения погостить и обещания провести вместе Святки (Круг жизни).

Как в первом изданном томе, очень показательны для книги подзаголовки: они задают тон каждой отдельной главе, отсылают к политическим или частным событиям, определяют тему писем. Так, например, в

“Разорении, общественно случившееся” подзаголовок “Письмо отечественное” воскрешает в памяти читателя общественный резонанс описываемого исторического эпизода: Отечественная война 1812 года, пожар Москвы, наполеоновское нашествие. Таким образом, судьбы отдельных лиц предстают на фоне того драматического события.

Женщины – главные героини этих писем, они воплощают “мирный круг жизни” прошлого столетия; именно через их действия писатель восстанавливает истинную “живую жизнь”. Например, в главе “Жичливая жена. Письмо хозяйственное” описывается ежедневный труд усердной женщины, которая в отсутствии мужа несет на своих плечах всю ответственность за ведение домашнего хозяйства: “и все хозяйство и все дела хозяйственные – земля и люди, и хлеб, и скот, хлопоты, заботы и напасти всякие” (Жичливая жена).

Воссоздание прошлого для Ремизова заключается в том, чтобы сохранять любой его след, поскольку даже самая бессмысленная и ничтожная деталь добавляет лишний штрих к картине русской старины, ее культурной традиции:

И совсем неважно, что среди писем попадают так пустышки и особенно те французские, все равно, и пустые и не пустые, французские и по-русски писанные – по выговору, надо хранить до последнего обрывышка. Каждый записанный обрывышек от того прошлого нашего и особенно того круга, к которому принадлежали Калечинские, помещики средней руки, представляет большую ценность: ведь эта середина – серое поле русской жизни, на которой разыгрывалась история, происходили великие отечественные события и проходили люди, память о которых сохранится в веке незабвенно (Жичливая жена).

По первоначальному замыслу, второй том “России в письменах” должен был иметь три, ранее не изданных, главы, кроме четырех, уже опубликованных:

5. Смоленщина. Родословное (1624-1680)
6. Письма Якушкиных
7. Философов. Письмо родословное (1793-1837)

На полях оглавления в скобках Ремизов-писец сообщает, что подлинники писем семьи Якушкиных остались в России, и действительно, в сборнике эта переписка отсутствует. Рукописными в тексте из архива Резникова являются только главы “Смоленщина” и “Философов”.

В “Смоленщине” описываются события и персонажи смоленского края; эта глава была написана Ремизовым в Париже в 1930-33 годах, что

выводится из надписи на полях, в которой писатель указал свое место жительства: “3 bis Av. Jean Baptiste Clément – Boulogne sur Seine”.¹⁸ Рукопись состоит из двадцати листов крупного формата с указаниями для издателей на полях и содержит документы и письма из архива Рачинских, в которых описываются события, связанные с “литовским рубежом, где сходились – блестящая Польша, сумрачная Литва и крепкая созидающая Москва” (Смоленщина, л. 1).

Вторая глава – “Философов”, написанная по материалам семьи Д. В. Философова, судя по почерку, может быть отнесена к тому же периоду; однако в ней имеются заметки на полях и между строчками, добавленные в более поздние годы (например, в 1940, последнем году жизни Дмитрия Владимировича) более неуверенным почерком. Глава состоит из двенадцати листов крупного формата, на которых личные воспоминания Ремизова переплетаются с подлинными письмами семьи Философова.

Кроме этого краткого оглавления, которое делит второй том текста на семь глав, составленных из писем, со временем Ремизов выработал еще одно, расширенное оглавление. Оно делит книгу на три части, посвященные, соответственно, историческим документам (память России XVII-XVIII веков), письмам (семейное наследие о ежедневной жизни XIX века) и истории (история вологодской ссылки самого же Ремизова):

II-ой том “Россия в письменах”, приготовленный к печати, состоит из трех частей: из документальной, письма и история.

1) Документы – “Парижский клад” (1701-1732); “Купчая” (1742-1746); “Сговорная” (1707); “Россия” – “Указ” (1710), “Паспорт” (1819); “Россия” – “Царская жаловальная грамота” (1669), “Писцовая выпись” (1681); “Расея” – “Письмо” (1916); “Путь чист” (XIII в.); “Повольная торговля” (1603); “Выпись с книг игродских замку Луцкого” (1638-1641).

2) Письма – “Круг жизни” (1817-1826); “Разорение, общественно случившееся” (Письмо отечественное – 1752-1814); “Жичливая жена” (Письмо хозяйственное – 1783-1835); “Живая жизнь” (Пись-

¹⁸ В архиве Резниковых (Париж) сохранен ремизовский список дат и первых местожительств во Франции: 6-7 XI 1923 – Hôtel Troyon, 10 rue Troyon, XVII; 7-16 XI 1923 – 22 rue Faisanderie, XVI; 16-17 XI 1923 – Hôtel des Ecoles, 15 rue Delambre, XIV; 17-27 XI 1923 – Villa du Vieux Jardin, 48 rue de Passy, XVI; 27 XI 1923-1 III 1924 – 59 rue Chardon-Lagache, XVI; 1 III 1924-1 XI 1928 – Villa Flore, 120 bis Avenue Mozart, XVI; 1 XI 1928-1930 – 11 Bd. Port-Royal; 1930-1933 – 3 bis Avenue J. B. Clément, Boulogne sur Seine; 1 X 1933 – 7 rue Boileau, XVI.

ма Пестелей – 1824-1827); “Философов” (Письмо родственников – 1793-1837); “Смоленщина” (Письмо родословное – 1624-1680)

3) История – “Северные Афины” (Вологда 1900-1903).

Присутствие новых документов, некоторые из которых были отдельно опубликованы ранее в эмигрантской периодике, позволяет нам датировать это оглавление началом 30-х годов. Каждый отдельно изданный отрывок добавляет новый штрих к диаграмме возрастания ремизовской книги: “Парижский клад” был напечатан в берлинской “Беседе” (1923, № 3, с. 78-160), “Купчая” – в брюссельском “Благонамеренном” (1926, № 1, с. 135-139), “Сговорная” вышла в Праге в “Воле России” (1926, № 10, с. 51-57), “Россия” (“Царская жаловальная грамота” и “Писцовая выпись”) была напечатана в Париже на страницах журнала “Версты” (1926, № 1, с. 52-56), “Расея. Письмо” также в “Верстах” (1928, № 3, с. 35-37), “Путь чист” увидел свет на страницах парижской газеты “День русской культуры” в июне 1927 года; “Повольная торговля” была напечатана в Риге в “Родной старине” (17/30 сент. 1928, № 4), “Северные Афины” – в парижских “Современных записках” (1927, XXX).

Тот факт, что с годами увеличивалось количество материалов и Ремизов, по своему обычаю, вновь и вновь возвращался к уже написанному, внося изменения и добавляя “документы”, подводит его, в конечном счете, к мысли издать продолжение “России в письменах” в двух отдельных томах. Во втором томе он решил поместить письма, а в третьем – исторические документы, о чем свидетельствует еще одно оглавление рукописи:

II ТОМ

- 1) Круг жизни (1817-1826)
- 2) Разорение, общественно случившееся (Письмо отечественное) (1752-1814)
- 3) Жичливая жена (Письмо хозяйственное) (1783-1835)
- 4) Живая жизнь (Письма Пестелей) (1824-1827)
- 5) Смоленщина (Письмо родословное) (1624-1680)
- 6) Философов (1793-1837)

III ТОМ

- 1) Парижский клад 1701-1732
- 2) Купчая 1742-1746
- 3) Сговорная 1707

- 4) Россия: Указ 1710
 Паспорт 1819
- 5) Россия: Царская жаловальная грамота 1669
 Писцовая выпись 1681
- 6) Расаея 1916
- 7) Путь чист XIII в.
- 8) Повольная торговля 1603
- 9) Выпись с книг игродских замку Луцкого 1638-1641.

Глава “Философов” значилась в этом оглавлении сначала в третьем томе, среди исторических документов, затем была оттуда исключена и перенесена во второй том. Последняя глава третьего тома (“Выпись с книг игродских замку Луцкого”), фигурирующая в разных оглавлениях, не вошла в состав произведения в его окончательном варианте. Глава “Северные Афины” также отсутствует: она была перенесена автором в книгу “Иверень. Загогулины моей памяти”, изданную, как и остальные “автобиографические” книги, посмертно.

Как и в первом томе “России в письменах”, каждый новый документ, открываемый Ремизовым, вызывает в памяти писателя массу ассоциаций и впечатлений, и он часто указывает имя дарителя этого “драгоценного клада” и выражает ему благодарность. Материалы обрабатываются и переписываются, по тем же правилам, что и в первом томе: Ремизов тщательно расшифровывает документы, иногда с помощью Серафимы Павловны, затем переписывает несколько раз “букву за буквой, строчку за строчкой” и, наконец, вносит в книгу:

Все переписал (трижды переписал!) – букву за буквой, строчку за строчкой. Переговорил каждое слово – слово за словом – ведь писали, как говорили! Я как прошелся по годам – от года в год.

Подклеил, склеил, переплел – разными золотыми и серебряными бумажками, разноцветными, как камушками, покрыл переплет.

Иван Пуни на эту работу мне картинку свою подарил – “революция” (Парижский клад).

Старинные рукописи возрождают в памяти картины прошлого, и Ремизову-рассказчику не терпится поведать какую-нибудь историю. В “Парижском кладе” перед нашим взором предстает история возведения Петербурга, прослеженная по царским указам о строениях и зодчих. По письмам управляющего имперским строительством воссоздается история устройства садов и фонтанов в летних резиденциях Петра. В “Купчей” описывается две торговые сделки: первая происходит в 1737 году в царст-

ование Анны Иоанновны, а вторая – в 1742 году, при императрице Елизавете. Даются портреты дворянина, семьи проданных слуг, а также многочисленных свидетелей сделки.

В “Сговорной” два дворянина, братья Богдан и Василий Гагарины, заключают свадебное соглашение по случаю женитьбы их сестры. В нем упоминаются не только земли, с поместьями и живущими там крестьянами, но и целый ряд икон, гардероб дорогой одежды, кафтаны, накидки, шубы, золототканые полотна, многочисленные драгоценности. Ремизов называет предметы “росписи” с тем же вкусом к подробностям, с которым описывал, в первом томе “России в письменах”, содержимое сундука екатерининских времен, с той же тщательностью, с которой перечислял свадебное приданое бабушки в повести “На поле блакитном”.

По визам, поставленным в паспорт прошлого века, в главе “Паспорт” писатель прослеживает путь в Италию простой русской женщины, няни семьи Волконских Авдотьи Наумовны, ее переезды через пограничные заставы, выплаты пошлин на таможах. И приводит дословно все надписи на русском, немецком, итальянском языках, всю эту паутину из кириллицы и латиницы, и даже описывает цвет печатей. Переписывание этих документов вызывает в памяти писателя-изгнанника русское прошлое, родную традицию, наводит его на размышления о языке, о плавном и выразительном русском выговоре, понимание которого он боится утратить, потому что эти звуки больше не окружают его повсеместно:

Чтобы знать свой язык, мало знать, как пишется слово и выговаривается, надо знать, как писалось и выговаривалось. А для этого необходимо ходить по письменным русским векам – читать старинные грамоты, памяти и изучать памятники литературы. Это и для России, где живут русские люди, и для заграницы, куда попали жить русские люди.

В России этих грамот и старинных памятей горы – лежат неразобранные, глазом не выласканные и не вычитанные, ждут: приходи и пользуйся. Другое дело за границей – много ль сюда занесло старинной русской бумаги! А ведь тут она еще ценнее, чем на родине, – нужнее для русского человека, попавшего жить за границей. Читая и разбирая грамоты, будто разговариваешь с русским хорошо говорящим по русски. А это такое счастье, и такое – точно в России побывал, от самой земли слово послушал.

Русскому человеку как нужно беречь эту “старинную память”, если попала она ему в руки! И как надо искать ее среди нерусских бумаг, а найдя, не прятать для показа приятелям, а дать человеку, который может разобрать, а потом напечатать, чтобы все читали – строчку за строчкой, поговорили б и здесь, на земле нерусской, послушали б Россию, ее слово. Ведь слово – это крепь... (Купчая).

Слово спасительно, предохранительно. Важнейшее задание писателя – спасти свой язык от варваризмов, от неточностей, от той “языковой чумы”, которая, по словам Итало Кальвино, выражается в потере непосредственности, в языковой однообразности, в сглаженности стиля.¹⁹ Посредством слова писатель оберегает и сохраняет мир своих образов, своих знаний.

“Россия в письменах” каждой своей страницей, каждой строчкой содержит эту защиту русского языка и русского культурного наследия, стремление Ремизова сохранить старинную жизнь и традиции России. Перед нашим взором проплывают картины далекие и печальные, миражи прошлого. Замыслы бесчисленных историй переплетаются в этом тексте и писатель все бьется в попытке свести концы с концами, как бы желая вовлечь в одну книгу всю вселенную, создать книгу-вселенную всей русской жизни. Титанический проект второго и третьего тома “России в письменах” свидетельствует о страсти Ремизова к старинным письменам и к придумыванию заново исторического материала, о его любви к иллюстрации и к рукописной книге. “Россия в письменах” – это как бы *summa* разных текстов и стилей, энциклопедический труд, повествование без конца. В своей работе “Анатомия критики” канадский критик Нортроп Фрай определяет произведения, написанные по образцу Библии, как “энциклопедии”. Итальянский критик-компаративист Франко Моретти определяет большие эпические произведения современности как “книги-вселенные”. Он утверждает, что в них чувствуется “определенная доля несоизмеримости существительного (эпос) с прилагательным (современный), несовместимости всеобъемлющего эпического размаха с раздробленной действительностью современного мира”.²⁰ Автор “России в письменах” не является эпическим писателем; скорее он – сочинитель-*bricoleur*, мечта которого о синтезе, о полном описании России реализуется в виде монтажа обрывыстых образов,²¹ иногда даже смеси языков: церковнославянского – старинных документов, немецкого – времен Петра Первого, эпистолярного французского – прошлого века и т. д.

“Россия в письменах” – эмблематическое произведение, замечательный повествовательный монумент, возведенный Ремизовым русскому языку, русской истории и собственной судьбе. Это эрудированный пере-

¹⁹ Calvino I. *Lezioni americane*. Milano 1988, p. 58.

²⁰ Frye N., *Anatomia della critica*. Torino 1969; F. Moretti, *Opere mondo. Saggio sulla forma epica dal Faust a Cent'anni di solitudine*. Torino 1994, p. 7.

²¹ Ср. В. В. Иванов, *Монтаж как принцип построения в культуре первой половины XX в.* // *Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино*, М. 1988, с. 119-148.

сказ исторических документов (Ремизов очарован древним словом и внешней структурой рукописной страницы), переписки (через письма писатель воскрешает события и чувства из реальной жизни старины), и предметов-фетишей памяти, оживших голосов прошлого. Принцип, на котором зиждется текст, – это монтаж; вдохновляемый старой русской письменной традицией, который сплавляет в единое целое исторические эпохи, события, предметы и людей, превращая книгу в орудие познания, в философско-экзистенциальный трактат, в свод мудрости, в космологическую гипотезу. Пользуясь ремизовским выражением – в Космографию.

«Россия в письменах» А. Ремизова
II-ой томъ

II-ой томъ «Россия в письменах» приготовленный къ печати, состоитъ изъ трехъ частей: 1) Документы – «Паражский кладъ» (1701-1732); «Кун-таля» (1742-1746); «Сговорная» (1707); «Россия» – «Указы» (1710), «Паспортъ» (1819); «Россия» – «Царская жаловальная грамота» (1669), «Писцовая выписка» (1681); «Россия» – «Письмо» (1916); «Путь гистъ» (XIII в.); «Новольная торговля» (1603); «Выписки съ книгъ иродскихъ замку Луцкого» (1638-1641). 2) Письма – «Кругъ жизни» (1817-1826); «Разореніе, общественно служившее» (Письмо отечественное - 1752-1814); «Жизливая жена» (Письмо хозяйственное - 1783-1835); «Живая жизнь» (Письма Пестелей - 1824-1827); «Философовъ» (Письма родственныхниковъ - 1793-1837); «Смоленщина» (Письмо родословное - 1624-1680). 3) I-ой томъ «Россия в письменах». Изд. Гейлконъ, Берлинъ, 1922. Стр. 220. Продаётся въ книжномъ магазинѣ «Москва», 9, rue Дюгюитренъ, за 6 франковъ.

Исторія – «Сѣверная Афины» (Вольфа 1900-1903).

А. М. Ремизов. Россия в письменах. Страница из рукописи